

ной истории повести на русской почве. Впрочем, можно предположить, с большой долей вероятности, что извлечение из первоначальных записок Искандера было сделано по-русски и в таком виде передано на Русь, где и было обработано в повесть. Будь оригинал повести греческим, мы в русской переработке его ожидали бы больших гречизмов в лексике или строении речи. Между тем, немногие гречизмы повести сводятся почти исключительно к византийской придворной или военной терминологии — названия чинов: мегистаны (446), стратиг (446), архидукс (451), великий дукас (459), епарх (451), великий доместик, логофет (459), протостратор (456, 459), клирик (клир) и сигклит (при патриархе; 456), анактос (459), керемиды (468), лимень (449) — все слова и названия, известные на Руси при ее оживленных сношениях и до взятия Царьграда, и после него. Эти слова могли быть в источнике повести и в том случае, если этот источник был на русском языке. Из того же источника были взяты и турецкие слова (опять-таки преимущественно названия чинов турецкой армии), вполне естественные в устах человека, долгое время жившего среди турецкой военщины: ягма (448), флабулар (451, 455), гаурове (459), бегиларбей (454), янычанин (457), сенсебей, санчакбей (458, 459), баши и паши (458) и др.

Если обратим внимание на другие источники повести, помимо извлечения из записок Искандера, то увидим, что и они не только не противоречат русскому происхождению повести, но до известной степени поддерживают это мнение.

Представляя себе завоевание Константинополя турками как событие, предрешенное высшей волей, и отмечая великое значение его для Руси, составитель повести интересовался популярными и авторитетными для его современников апокрифическими „пророчествами“ и „откровениями“. Ссылаясь на них в повести, хотя и не цитируя, автор называет лишь имена, под которыми эти „пророчества“ распространялись в его время, очевидно, считая, что содержание их известно читателям. Вот эти места повести: 1) „сие же [война с турками] бысть за наша грехы... и яко да збудется вся прежереченнаа о граде сем при Константине, велицем цари, и Лве Премудрем и Мефодием, епископом Патрьским“ (450); 2) „веси, о царю, вся прежереченная о граде сем, и се ныне паки иво знамение страшно бысть“ (слова патриарха по поводу „знамения“ в св. Ссфии, 453); 3) „и сбуться реченное: Константином создася [Царьград] и паки Константином и скончася“ (по поводу смерти царя Константина, 458); 4) „аще вся прежереченная Мефодием Патрьским и Лвом Премудрым и знамена о граде сем совершишася, то и последняя не преидут, но такоже совершится имуть. Пишет бо: Русский род с прежесоздательными всего Измаила победят и Седмохоломаго примут с прежезакон[ны]ми его и в нем воцарятся“ (460).

Нетрудно определить, какие произведения имел в виду составитель повести, называя эти имена: с именем Мефодия он соединял, конечно, известное „Откровение“ Мефодия Патарского, не позднее XI века переведенное на славянский с греческого, имевшее несколько русских редакций и приобретшее новую популярность в XV—XVI веках отчасти под влиянием ожидания „конца мира“ на исходе 7-й тысячи.¹

¹ Какие именно места „Откровения“ имел в виду составитель повести, называя только имена, сказать трудно; предположительно же можно указать на такое место интерполированной редакции „Откровения“: „Будут бо сынове Измаиловичи зли зело и перестанет служба божиа в церквах святых и пенне, дондеже скончается число царства их, имже предаша всю землю; скончается печаль в человецех, и будут глади и смерти, и измождают человецы и разсыплются по всей земли, яко персть; и ина казнь от бога будеть“ (гл. V).